

21. Обзор Смоленской губернии в 1905 году. Смоленск: Губернская типография, 1906.
22. Обзор Смоленской губернии в 1913 году. Смоленск: Губернская типография, 1915.
23. Образцова М.Н. Государственно-церковные отношения в модернизационном процессе в России начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 215 с.
24. Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века, 1903 – февраль 1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 318 с.
25. Рейснер М.А. Государство и верующая личность: сборник статей. СПб., 1905.
26. Сафонов А.А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 46 с.

A.F. Gavrilentov

The Implementation of the Idea of Freedom of Conscience and Worship in Smolensk province of 1905–1917

Key words: freedom of worship; Orthodoxy; Old Belief; sectarianism; non-Orthodox religions; heterodox confessions.

The article deals with the realization of the idea of freedom of worship in Smolensk province in 1905–1917 on the basis of the archival materials introduced into scientific circulation for the first time. The complexity and discrepancy of this process under the conditions of the domination of the Orthodox Church is analysed in article. The government controlled the activities of the communities of sectarian and Old Belief organizations, the communities of non-Orthodox and heterodox religions.

А.К. Лаптев

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)'1914–1916

Смоленская жандармерия в борьбе с агентами неприятеля в 1914–1916 годах

Ключевые слова: Первая мировая война; Смоленская губерния; жандармерия; полиция; антивоенная пропаганда; контрразведка; Минский военный округ; 1914–1916.

В данной статье рассматривается деятельность государственных силовых структур Смоленской губернии по борьбе с германскими и австро-венгерскими шпионскими организациями и агентами в условиях военного времени. Анализ деятельности смоленской жандармерии позволил автору определить методы ведения работы по противодействию разведке со стороны противника в реалиях военного времени.

Во время Первой мировой войны противостояние между Антантой и Тройственным союзом охватило не только фронт, но и тыл. На территории прифронтовой Смоленской губернии смоленская жандармерия и полиция вынуждены были противостоять шпионской или антивоенной деятельности неприятеля. До настоящего времени эта проблема не была предметом специального исследования. В советской историографии основное внимание уделялось военным действиям на фронтах Первой мировой войны, а начиная с 1990-х годов тема противодействия агентам противника и обеспечения безопасности тыла стала изучаться историками и юристами на общероссийском уровне [9; 13; 15].

Для борьбы правоохранительных органов с агентурной работой неприятеля требовались особые правовые условия, которые ограничивали права и свободы подданных, усиливали контроль и возможности негласного наблюдения за населением, а также значительно расширяли репрессивные возможности жандармерии и полиции. Этими правовыми условиями стали специальные правовые режимы чрезвычайного [12] и военного положения [11], принятые еще во время царствования Александра III.

На территорию Смоленской губернии эти режимы были распространены царским указом от 24 июля 1914 года. В Смоленском, Краснинском и Поречском уездах, как «входящих в район театра военных действий и имеющих особо важное значение для интересов ... специально военных», вводилось военное положение. В остальных девяти уездах – положение чрезвычайной охраны [10, с. 322; 11, ст. 1].

Эти особые режимы давали правоохранительным органам возможность в условиях начавшейся войны вести борьбу как против революционных элементов внутри России, так и против внешних врагов в лице Германии и Австро-Венгрии, которые активно внедряли своих шпионов и агентов на территорию России уже с первых дней войны. В рамках режима чрезвычайной охраны значительно расширились репрессивные права жандармерии и полиции. При обычном положении жандармерия и полиция имели право подвергать предварительному задержанию подозреваемых в государственных преступлениях лиц на срок не более семи дней и «производить у таких лиц обыски и выемки» [12, ст. 28]. В условиях чрезвычайной охраны подозрительные лица задерживались на срок до двух недель; по распоряжению губернатора – до одного месяца. Жандармерия и полиция по указанию местных начальников полиции и начальников жандармских управлений могли также «производить во всякое время обыски» и арестовывать имущество, губернатор имел право «учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды» [12, ст. 21, ст. 26].

Военное положение отменяло нормы чрезвычайной охраны [11, ст. 8]. В условиях военного положения обязанности полиции трактовались

довольно широко и сводились к содействию военным властям «по исполнению лежащих на них обязанностей», включая сбор сведений о благонадежности населения [11, ст. 14, 15]. Одновременно жандармерия и полиция могли предварительно задерживать на срок до двух недель всех лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии», производить обыски «во всех без исключения помещениях» и налагать арест на имущество подозреваемых лиц [11, ст. 23]. Основное отличие военного положения от чрезвычайного заключалось в том, что при военном положении правоохранные органы были обязаны выполнять все распоряжения военного командования для обеспечения безопасности территории, ее населения и дислоцированных на ней военных частей.

Смоленское губернское жандармское управление, как и другие губернские жандармские управления, входившее в структуру МВД, находилось в непосредственном подчинении товарищу министра внутренних дел и командующему Отдельным корпусом жандармов и одновременно выполняло распоряжения губернатора и военных властей. Помимо работы, направленной на выявление, пресечение и расследование государственных преступлений, губернская жандармерия занималась выявлением и пресечением разведывательных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии; пресечением вербовки неблагонадежных лиц; выявлением контактов между революционными элементами и агентами противника; борьбой против революционных проявлений на территории губернии, которые во время войны создавали угрозу фронту. Главной формой решения этих задач была контрразведывательная работа, методами которой хорошо владела местная жандармерия.

В начале войны при штабах армий, фронтов, военных округов, а также при Главном управлении Генерального штаба создавались контрразведывательные отделения. Они были призваны заниматься обнаружением и ликвидацией шпионов и агентов противника, тайно собиравших сведения о вооруженных силах России и о ситуации в тылу страны. Смоленская жандармерия осуществляла плотное взаимодействие с контрразведывательным отделением при штабе Минского военного округа, которое возглавлял ротмистр Науменко [7, л. 31].

Для борьбы с неприятельскими агентами и шпионами смоленская жандармерия использовала методы негласного наблюдения, внедрения своих агентов в рабочую среду, слежку, перлюстрацию писем и другие меры, направленные на решение поставленных задач.

В начале войны из Смоленской губернии по распоряжению министра внутренних дел выселялись (или подвергались аресту) «потенциальные агенты» – подданные Германии и Австро-Венгрии [7, л. 1–2; 1, л. 15]. Так, в августе 1914 года заподозренный в шпионстве германский поддан-

ный Бромфиль был выслан в Тобольскую губернию под надзор полиции [8, л. 39]. Однако эта мера не предотвратила агентурную деятельность неприятеля на территории губернии.

Приемы разведки на территории Смоленской губернии были весьма разнообразны и требовали от смоленской жандармерии, которую возглавлял во время войны полковник И.Н. Астафьев, быстрых и грамотных действий, высокого профессионализма в экстремальной обстановке. Как выяснила жандармерия, вражеские агенты и шпионы для сбора информации и подрывной деятельности использовали разнообразные профессии. В губернских городах они выступали под видом эвакуированных чиновников, отставных офицеров, помещиков, чьи имения находились на оккупированных территориях. Неприятельские агенты рядились в маски артистов кафешантанов, лакеев в ресторанах, продавцов товаров, фокусников, железнодорожных агентов, инженеров, фабричных и заводских рабочих. Смоленская жандармерия задерживала шпионов, действовавших под видом проституток, воров, преступников, шулеров. К сбору информации об армии и внутренней ситуации в городах и волостях губернии иностранные агенты привлекали даже подростков, нищих, калек, которые передвигались по городам и уездам в поисках крова и пропитания. Особо охотно противники пользовались для разведки «кафешантанными» артистками и проститутками. Для этой цели выбирались «красивые, изящные и интересные» женщины [5, л. 5].

Агенты посещали все перворазрядные рестораны, старались приобрести как можно больше знакомых среди воинской молодежи, хотя и «не чурались старших чинов». Они завлекали к себе на квартиры офицеров, прибывших с позиций, предоставляли военным спиртные напитки в обильном количестве, устраивали «кутежи» и «попойки», во время которых и узнавали необходимые сведения благодаря болтливости и несдержанности подвыпивших офицеров. Женщинам-агентам рекомендовалось заводить знакомства не с отдельными лицами, а с компаниями офицеров, так как офицеры активно общались между собой и могли что-нибудь «выболтать». С неразговорчивыми офицерами агенты вступали в спор по поводу той или иной военной операции и заставляли собеседников высказаться. Подобные действия применялись и к чинам низкого ранга: писарям, нижним чинам штабных рот и телеграфов [5, л. 3].

Смоленской жандармерии были известны случаи непреднамеренной передачи русскими офицерами сведений о задачах армии, о распоряжениях высших начальников, о переменах в составе армии, о дислокации воинских частей и штабов. Это происходило в общественных местах и в разговорах с частными лицами или случайно встретившимися военными в присутствии посторонних лиц. В расположение войск шпионы попадали под видом подрядчиков, фокусников, шарманщиков, продавцов папирос и других мелочей [5, л. 4].

Для выявления неприятельских агентов смоленская жандармерия вынуждена была работать среди местного населения, поскольку противник часто прибегал к такому способу, как переодевание. Например, в крестьянскую одежду, для того чтобы выдать себя за беженцев. Агенты противника часто представлялись сестрами милосердия, так как этот наряд давал возможность проникать в среду военных, а также попадать в места, куда был закрыт или ограничен доступ посторонних. Для более близкого общения с солдатами неприятель часто засылал агентов, переодетых в форму нижних чинов русской армии, которые выдавали себя за лиц, отставших от своих эшелонов [5, л. 2].

Как выяснила смоленская жандармерия, агентам рекомендовалось делать записи под видом каких-либо заметок, не обращающих на первый взгляд на себя внимание. Например, запись полков шифровалась под видом счета за съестные продукты; в кредитных билетах подчеркивались карандашом или ставились точки над условными буквами; делались заметки на белье, на поясах внутренних сторон брюк; условные пометки размещались в паспортах и молитвенниках, записных книжках. Например, в переписке, отобранной у подозреваемого в шпионаже, были обнаружены следующие записи: «14/11 – 1915 г. Комисс. – 3» и «16, II, 915 баня – 14». Эти записи, как оказалось, означали, что 14 ноября была комиссия по поводу открытия новой железнодорожной ветви, а 16 ноября прошел на позицию поезд-баня. Знаки на белье в виде букв или цифр служили пропусками при возвращении с разведки. Сведения нередко записывали секретными чернилами [5, л. 5].

Из инструкций противника по работе в русском тылу, ставших известными смоленской жандармерии, следовало, что агентам из рабочих вменялось в обязанности вести среди своих товарищей политическую пропаганду, распространять революционные идеи, подбивать рабочих на стачки и забастовки. Как удалось установить смоленским жандармам, с этой целью в Россию были командированы специальные эмиссары для вербовки среди рабочих агентов-пропагандистов. Революционные идеи распространялись и лицами, которые вступали в общественные союзы под видом оказания помощи, для того чтобы «вносить дух разложения» [5, л. 6]. Таким образом, проявившееся в военное время усиление социальных противоречий в российском обществе было замечено в Германии и Австро-Венгрии. Поддержка революционных проявлений в пролетарской среде была направлена на подавление боеспособности русских войск. Противник надеялся также на переключение внимания властей с активных действий на фронте на действия в тылу по поддержанию стабильности и законности в российских губерниях.

Действия германских и австрийских агентов были направлены в первую очередь на подрыв боеспособности русской армии. Поддержка антивоенных проявлений осуществлялась так, чтобы агитация и пропаганда была направлена на солдат и офицеров русской армии. Именно для этого

использовались места массового скопления нижних чинов, а именно госпитали, перроны, а также места дислокации запасных батальонов.

Как установила смоленская жандармерия, для антивоенной пропаганды использовалась почта. В декабре 1915 года полковник Астафьев распорядился пресекать попытки получения пакетов и посылок из Стокгольма, содержащих «воззвания к русскому народу с призывом требования заключения мира» [14, с. 170].

Смоленским жандармам стало известно, что Германия и Австро-Венгрия, начиная с 1914 года, финансировали своих агентов, работавших на разложение русской армии. Это подтверждалось разведывательными донесениями, поступавшими в 1914 году в штаб Минского военного округа, который, в свою очередь, сообщал о возможных угрозах начальнику смоленского гарнизона. В одном из донесений говорилось о том, что германское правительство для достижения победы «отпустило русским революционным партиям большие средства для ведения пропаганды и революционной агитации в войсках, стараясь этим путем вызвать бунты среди нижних чинов» [2, л. 111].

Вместе с тем командование штаба Минского военного округа было обеспокоено нахождением в Смоленске разных посторонних лиц, которые старались завязать отношения с нижними чинами, уволенными со службы. Под видом обсуждения военных событий и ситуации в тылу они старались посеять недоверие к действиям правительства и ставили под сомнение необходимость войны. Сообщая об этом, штаб Минского военного округа обращал внимание начальника смоленского гарнизона на необходимость борьбы с подобными рода проявлениями антивоенной пропаганды [2, л. 110].

23 сентября 1915 года в переписке чинов Смоленского жандармского управления обсуждался факт пропаганды на немецкие деньги в запасных батальонах и ополченческих соединениях Южной России. В связи с тем, что в Смоленске были расквартированы запасные батальоны, смоленская жандармерия проводила постоянные наблюдения за пытавшимися проникнуть в эти подразделения пропагандистами [6, л. 20].

Смоленское губернское жандармское управление сталкивалось и с различного рода религиозной агитацией и пропагандой антигосударственного характера. Религиозные пропагандисты стремились действовать в военных подразделениях, расположенных преимущественно на фронте и в прифронтовых губерниях. Этот вопрос был в центре внимания смоленского губернатора, который руководствовался на этот счет специальными инструкциями начальника Петроградского военного округа от 8 мая 1915 года. В своем обращении на имя смоленского губернатора начальник Петроградского военного округа указывал, что за последнее время в некоторых воинских частях наблюдались отчетливые признаки пропаганды религиозного вероучения, так называемых «евангелических христиан». Опа-

сения властей вызывал тот факт, что среди нижних чинов встречались люди, склонные к мистическому мировоззрению, и этим пользовались проповедники, которые под видом религиозных истин несли разложение в воинские части и извращали понятие о присяге и долге [4, л. 33].

Смоленский губернатор получал сообщения о жителях Смоленской губернии, которые отказывались участвовать в боевых действиях по религиозным причинам. Так, по сообщению духовного департамента МВД от 31 декабря 1915 года, крестьянин Вяземского уезда Г.Е. Шахматов «отказался от употребления оружия против врагов Отечества» [3, л. 2]. Как выяснилось, Шахматов не принадлежал ни к какой секте, но «читал много разных книг, а особенно увлекался» сочинениями Л.Н. Толстого [3, л. 2].

В секретной телеграмме от 27 декабря 1914 года, полученной смоленскими жандармами, поступили сведения о немецких шпионах, находящихся в Смоленске. Данные лица вели неприметный образ жизни на постоянных дворах, напротив этапа, в Заднепровском районе города [2, л. 91]. Жандармами были установлены и конкретные сведения об иностранных агентах. В телеграмме от 25 сентября 1914 года жандармское управление сообщало смоленскому губернатору о том, что в ближайшее время в Россию должен приехать известный «интернациональный шпион», который выдает себя за английского инженера по фамилии Гунсман. Жандармское управление было осведомлено о приметах «названного Гунсмана»: «средний рост, крепкое телосложение, брюнет» [2, л. 111].

После отступления русской армии весной и летом 1915 года фронт приблизился к Смоленской губернии. В Смоленск переместился штаб Минского военного округа. Смоленское жандармское управление, анализируя оперативную информацию, пришло к выводу о широком распространении шпионажа и появлении разведгрупп на территории Смоленской губернии. Об этом сообщалось и в инструкции штаба Минского военного округа от 18 марта 1916 года [5, л. 1]. Подобные документы по противодействию германским и австрийским шпионам, исходящие от штаба Минского военного округа, носили для смоленского губернского жандармского управления руководящий характер. В вышеупомянутой инструкции содержалось обращение к местной администрации, которой предписывалось плотнее сотрудничать с военными властями. Инструкция ориентировала все «гражданские и военные» власти на усиление борьбы с агентурной сетью на территории губернии. В связи с этим необходимо было ознакомить широкие круги общественности и в особенности сельское население с конкретными методами неприятельской разведки и привлечь к борьбе с ней все «благонадежное» население. Особое внимание обращалось на ознакомление сельского населения с приемами шпионажа, а также со способами реагирования в случаях возникновения подозрения по отношению к какому-нибудь лицу. В инструкции пошагово определялись

действия населения: куда подавать заявления, как вести себя с подозрительными лицами и т.п. [5, л. 3].

Информацию о возможных действиях неприятеля и основных правилах собственного поведения сельское население должно было получать от земских начальников, чинов землеустроительных комиссий, учителей, духовенства и других чинов, к которым крестьяне питали доверие. К этому времени в Смоленской губернии уже были сделаны попытки ознакомления населения со способами борьбы со шпионажем на железных дорогах. На вокзалах и даже в вагонах были вывешены различные плакаты с предостережениями от разговоров в поездах на военные темы или с рекомендациями возможных действий в случае расспросов нижних чинов неизвестными лицами о прилегающих к железной дороге сооружениях [5, л. 3].

Инструкция ориентировала жандармское управление на контакты жандармерии и полиции с местным населением, которое могло оказать большие услуги в деле борьбы с вражеской агентурой. При этом документ содержал информацию о том, что с 1915 года участились случаи разъездов по селам и деревням «разных должностных лиц с теми или иными предписаниями». Эти лица могли работать на противника. Обращалось особое внимание на наступление весенних полевых работ. По опыту было известно, что в период полевых работ агентам противника не нужно было посещать населенные места. Они могли узнать интересующие их сведения у крестьян в поле, тогда как в населенных пунктах жители относились к «гастролерам» более настороженно [5, л. 3].

Населению предписывалось немедленно доводить до сведения уездных полицейских или административных властей о появлении подобных лиц в уездах для проведения своевременной проверки, действительно ли это лицо было командировано военными властями. Инструкция также требовала от гражданской администрации, чтобы она ознакомила население с новым приемом борьбы «культурного» врага: возможным преднамеренным распространением среди войск и мирного населения заразных болезней. Имелись сведения, что немцы искали специальных агентов, которые могли взять на себя доставку в Россию холерных бацилл для отравления водоемов, колодцев и рек. Одним из организаторов этого дела, по поступившим сведениям, являлся немецкий агент Антон Беренс, проживавший в Стокгольме [5, л. 4].

В инструкции штаба Минского военного округа особое внимание смоленской жандармерии обращалось на тот факт, что агентов противника интересовала не только армия, но и все, что имело отношение к ведению военных действий и положению в тылу: организация промышленности; оборудование фабрик и заводов, работающих на военные нужды; состояние дорог; расположение различных сооружений, устроенных для военных целей; обеспеченность населения съестными припасами и настроения в тылу [5, л. 4].

Таким образом, разнообразие форм и средств, которыми пользовались агенты противника, показывает, насколько серьезную ставку делали Германия и Австро-Венгрия на своих агентов в прифронтовых губерниях. Смоленская жандармерия хорошо осознала эту угрозу и пыталась активно противостоять ей, взаимодействуя в этом вопросе с полицией и военными властями, действуя в рамках режимов военного и чрезвычайного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 703. 1914 г.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 740. 1914 г.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 925. 1915 г.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 763. 1915 г.
5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916 г.
6. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 478. 1914 г.
7. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481. 1914 г.
8. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 484. 1914 г.
9. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны// Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
10. Лаптев А.К. Первая мировая война: новые обязанности полиции и жандармерии в Смоленской губернии в 1914–1915 гг. // Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск, 2016.
11. О местностях, объявляемых состоящими на военном положении // ПСЗ-III. Т. 12. № 8757.
12. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ-III. Т. 1. № 350.
13. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: сб. обзоров и реф. (Препринт). М., 2013.
14. Смоленская губерния в Первой мировой войне. Документы. Смоленск, 2016.
15. Хугарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2011.

A.K. Laptev

Smolensk Gendarmerie in the Fight against Enemy Agents in 1914–1916

Key words: World War I; Smolensk Province; gendarmerie; police; anti-war propaganda; counterintelligence; Minsk Military District; 1914–1916.

The article examines the activities of state law enforcement structures of Smolensk province to combat German and Austro-Hungarian intelligence organizations and agents in wartime. Analysis of the activities of Smolensk gendarmerie allowed the author to reveal the methods of counter intelligence work under the conditions of wartime.